

Краткое затишье пролетело быстро, и на землю вновь обрушился яростный буран. Свирепый ветер вздымал тучи колючего снега. По занесенному тракту прочь от Города Кабро пробивались двое всадников. Лишенные доспехов, одетые лишь в грубые теплые куртки да дорожные плащи, они не имели при себе даже мало-мальски приличного оружия — лишь у каждого на поясе сиротливо покачивался засапожный нож.

Вид у пустившихся в бега воинов был жалкий, а на душе скребли кошки. Еще вчера они именовали себя доблестными капитанами рыцарей, коим велели держать оборону в Городе Кабро и готовиться к сокрушительному броску на Владение Снежной Сосны.

Но судьба совершила крутой разворот, и за одну-единственную ночь крепость сменила хозяина. Город пал под натиском мертвых духов. Юный лорд Снежной Сосны, устроив беспощадную резню, призвал на подмогу призрачное воинство — героические духи павших рыцарей и древних треантов. Из двух тысяч семисот всадников Владения Акации, стоявших в Городе Кабро, уцелело едва ли пять сотен.

И то, что этой паре удалось унести ноги, не было их личной заслугой или проявлением внезапного милосердия победителя. Юнь Фэй сохранил им жизнь лишь с одной целью — отправить гонцами к Лорду Акации, чтобы вручить тому официальный вызов на войну.

Кони хрипели, увязая в сугробах, из их раздувающихся ноздрей клубами валил густой пар. Беглецы судорожно сжимали поводья и безжалостно стегали уставших животных плетью. Им хотелось лишь одного: оказаться как можно дальше от проклятого города и его нового, наводящего ужас хозяина, способного подчинить своей воле грозного демонического дракона.

Оба прекрасно понимали, что вести, которые они везут в столицу, приведут Лорда Сандриса в бешенство, и гнев его может стоить им голов. И все же погибнуть от быстрого удара сталью казалось куда завиднее, чем томиться в когтях мертвых духов или самим обратиться в бездушный прах, пополнив ряды мертвых духов.

Метель крепла, бросая в лица пригоршни ледяных игл. Белая круговерть застилала взор, точно плотный саван, опустившийся с небес. На исходе дня они поравнялись с деревенькой. Улицы ее пустовали, и лишь в редких окнах теплились тусклые огоньки. Но стоило раздаться стуку копыт, как последние отсветы мгновенно погасли. На настойчивый стук в ворота никто не отозвался — запертые избы хранили угрюмое молчание.

— Брось, поехали дальше, — угрюмо обронил один.

Тут-то беглецы и припомнили, что совсем недавно сами отправляли сюда отряды. По приказу из Города Кабро у крестьян забрали всех, кто был способен держать лопату или топор: угнали и неоперившихся юнцов, и немощных стариков. Услышав конский топот, несчастные женщины решили, что сборщики вернулись за остатками, и в ужасе забаррикадировали двери.

Измученные голодом и стужей беглецы не посмели, как бывало прежде, вышибить сапогом ветхую преграду. Понуриив головы, они вновь взобрались в седла и потащились дальше в

надежде попытать счастья в следующем селении.

Когда стук копыт растаял в завываниях ветра, в окнах робко затеплился свет. Со скрипом отворились тяжелые засовы. На заснеженные дворы потянулись женщины в заплатанных серых юбках. Сжимая в онемевших пальцах вилы и серпы, они с подозрением всматривались в ночную темень, куда ушли всадники.

"Неужели пронесло?" — крутилось у каждой в голове.

Поверить в такое избавление было трудно.

Указ Лорда Акации о всеобщем сборе стянул к границам прорву войска. Насытить эту ораву и обеспечить приграничные крепости рабочей силой решили за счет ближних деревень, обобрав их дочиста. В разгар суровой зимы, когда в лесу ничего не собрать, а охота превращается в пытку, скудные запасы в амбарах были для крестьян единственной ниточкой, связывающей их с жизнью.

Но благородным господам не было дела до крестьянской доли. Их челядь и оруженосцы, отличавшиеся особой лютостью, раз за разом совершали наезды на деревню, выгребая последнее зерно, угоня рабочих волов и тягловых лошадей.

Мужчин уводили партиями. Сначала выгребли здоровых мужиков, затем принялись за седых дедов и безусых подростков. Женщины выли, бросались под копыта, умоляли надменных всадников пощадить хотя бы детей, что едва доросли до тележного колеса. Все впустую. Слезы разбивались о глухую стену равнодушия, а в ответ летели лишь свист плетей да отборная брань.

С последнего набега не прошло и пяти дней. Неудивительно, что от стука копыт у бедных женщин подгибались колени — от страха и глухой, kloчущей злобы. Доведенные до отчаяния, они вооружились чем пришлось. Если бы эти двое попытались ворваться в дома, бабы костями бы легли, но пустили бы кровь мучителям.

Но все обернулось иначе. Незваных гостей оказалось всего двое, и те, натолкнувшись на глухой отпор запертых усадеб, даже не подумали чинить расправу, а просто убрались восвояси.

— Тут что-то не так, — нарушила молчание одна из женщин.

Прежде спесивые вояки никогда не уступали без боя, а их слуги непременно разнесли бы полдеревни. Женщины растерянно переглядывались.

— Может, это и не рыцари вовсе были? — предположила молодая крестьянка. — Просто путники заблудились?

— Скажешь тоже, — оборвала ее соседка. — Войско у рубежей стоит, дороги перекрыты. Сейчас даже купцы носа из городов не кажут, откуда взяться вольным путникам?

В военное время любого чужака без лишних расспросов вздернули бы на первом же суку, посчитав лазутчиком.

— Кто бы они ни были, убрались — и ладно, — подытожила пожилая вдова.

Разговоры стихли, но обида и злость никуда не делись, разгораясь в груди жарким пламенем. Они исправно платили подати Владению Акации, а взамен получили разорение, голодную смерть и разлуку с близкими.

— В прежние времена все было по-другому, — раздался скрипучий голос со стороны крайней избы.

Опираясь на узловатую клюку, на порог выбралась дряхлая, сгорбленная старуха. То была старая Им. Ее выцветшие, подернутые мутной дымкой глаза смотрели куда-то сквозь пелену лет, а в голосе сквозила глубокая тоска по ушедшему:

— Век назад эти земли принадлежали Владению Снежной Сосны. Ни тогдашний лорд, ни его верные воины никогда бы не позволили себе подобной низости.

— Бабушка Им, когда-то было! Сто лет прошло, мир давно перевернулся, — вздохнула одна из молодых.

— Верно... перевернулся, — тихо обронила старуха, качнув головой.

Она не винила девчат. Почти все они родились много позже того, как увяло величие Владения Снежной Сосны. Всю свою жизнь эти бедняжки знали лишь непосильный труд, побои да ненасытную жадность новых хозяев. Откуда им знать, что правитель может быть иным? Что благородные мужи могут держать слово и не заносить плеть над головами беззащитных подданных?

Внезапно сквозь вой метели вновь пробился отчетливый гул. К топоту копыт примешивался тяжелый скрип тележных колес, натужно режущих наст.

Женщины так и замерли. В следующее мгновение они, словно напуганные перепелки, бросились врассыпную по избам, наглухо закрывая ставни. Прильнув к щелям в древесине, затаив дыхание, они вновь сжали в ладонях верное крестьянское оружие.

Из белой круговерти показалась вереница груженных подвод. Тяжелые телеги ломились от высыхающих на них мешков с отборным ячменем. Правили лошадьми полтора десятка крепких мужчин, укутанных в добротные теплые кафтаны с наброшенными на головы глубокими

капюшонами, надежно спасавшими от ледяного ветра.

Едва головная повозка поравнялась с первыми плетнями, возница откинул капюшон назад. В окнах изб раздались потрясенные вскрики. Женщины терли глаза, не веря собственному счастью.

— Джед!

— Боги, это же Грейв!

Двери распахнулись разом. Позабыв про опасность, бабы бросились к телегам, на ходу подхватывая подола длинных юбок.

— Живые! Вернулись!

— Да откуда у вас все это? Что в мешках?

— А где наши? Где остальные мужики?

Вопросы сыпались градом, обрушиваясь на ошеломленных возниц со всех сторон.

— Да тише вы, сороки! — зычным басом перекрыл общий гомон Грейв, рослый широкоплечий крестьянин. — По одной говорите, а то все в кучу! В мешках ячмень, а еще тут соль имеется. Вернулись пока только мы, остальные в Городе Кабро остались. Не войте, живы они и здоровы, волос с головы ни у кого не упал!

— Откуда у вас такое богатство, сынок? — спросила подошедшая старуха Им, опираясь на свою верную клюку.

— Из самого Кабро привезли, бабушка. Плата за наши труды, — ухмыльнулся Грейв и спрыгнул на утоптаный снег. Покопавшись за пазухой, он бережно извлек завернутый в чистую тряпицу сверток. Раскрыв его, он показал три темных, слегка подтаявших от тепла его тела брусочка.

— Неужто сахар? — ахнула старая Им, и глаза ее округлились от изумления.

— Он самый. Личная награда от молодого господина, — с гордостью подтвердил крестьянин.

Старуха Им пребывала в полнейшем смятении, а деревенские бабы и вовсе лишились дара речи. Чтобы господа из Владения Акации расщедрились на такое? Да быть того не может! Сахар стоил безумных денег; многие из них за всю свою жизнь даже краем глаза его не

видели. Не признай дряхлая Им это лакомство, они бы решили, что Грейв хвастается какой-то заморской целебной мазью.

— Да не смотрите вы так, не от рыцарей Акации это! — рассмеялся Грейв, заметив их недоумение. — Те живоглоты удавятся за корку хлеба. Это все новый Лорд Снежной Сосны! Мы на него спины гнули, а он нам за работу зерном да солью отсыпал, да еще и сладким одарил.

— Лорд Снежной Сосны? Да как же вас в его владения занесло? — всполошились женщины.

— Да никто никуда не ходил, — покачал головой Грейв. — Лорд Юнь Фэй сам пришел. Он взял Город Кабро штурмом! Местные рыцари теперь либо червей кормят, либо в темнице сидят. Владение Снежной Сосны объявило войну Акации. Вся земля от Города Кабро до самого Равнинного города теперь под рукой молодого господина. И наша деревня теперь тоже его.

От таких новостей у крестьянок голова пошла кругом. Они долго стояли молча, пытаясь осознать услышанное.

— Молодой лорд на удивление щедр, — продолжил Грейв, так и сияя. — Он слово дал: кто работает честно, тот голодным не останется, расчет каждый вечер. Эту долю зерна староста велел в деревню везти, а следом еще подводы пойдут. Мы решили обратно в Город Кабро податься, а оттуда — в Город Черного Ущелья, там рабочие руки позарез нужны. Говорят, шахты Фабра и рудник Серебряного Копыта снова запустят. На добыче руды заработки вообще небывалые обещают.

— А если... если они проиграют? — тихо спросила одна из женщин, испуганно прижимая руки к груди.

Страх перед местью Лорда Сандриса сидел глубоко. Они досыта наелись плетей от наместников Акации и с радостью присягнули бы новому лорду, да только какова будет цена, если прежний хозяин вернется с карательным отрядом? Деревню тогда выжгут дотла.

— Не проиграет, — в один голос отрезали мужчины, уверенно мотая головами.

— Это еще почему? — удивились бабы.

— Да потому, что сила у него неодолимая! — горячо воскликнул Джед, подавшись вперед. — Ему беспрекословно служат полчища мертвых духов и свирепые лесные великаны-треанты, а сам он летает верхом на чудовищном демоническом драконе!

Слова эти заставили толпу испуганно ахнуть. Мертвые духи? Черный дракон? В старых сказках такие силы никогда не служили добру.

— Да какая нам разница, святой он или прихвостень Бездны? — грубо сплюнул на снег Грейв.
— Главное, что при нем у нас будет хлеб на столе. Нам больше не грозит голодная смерть, и никто не станет охаживать нас кнутом за украденную корку заплесневелого ячменя.

Крестьянки переглянулись. В их глазах больше не было прежнего страха — лишь твердая, отчаянная решимость. Какое им дело до чужой морали? В конце концов, прабабка Им дело говорит: их земля покои веков принадлежала Снежной Сосне. Настало время вернуться к законному покровителю.

Подобные разговоры велись сейчас во многих приграничных селениях. Измученные бесконечными поборами Акации люди без колебаний делали выбор в пользу Снежной Сосны. Справедливая плата за труд стоила любой верности.

— Расскажи, а какой он из себя, этот молодой лорд? Небось, высоченный да грозный? — с любопытством допытывались девчата.

— Еще бы! Чтобы такую тварь крылатую объездить, надо силу иметь нечеловеческую. Поди, пошире любого оборотня-медведя в плечах будет!

При этих словах лицо Грейва сделалось донельзя странным. Силы и отваги новому господину было не занять, но вот "медведем" назвать его не повернулся бы язык.

— Да нет же, — покачал головой крестьянин. — Лорд Юнь Фэй статен, гибок и красив так, что глаз не отвести. А когда улыбается — будто весенний ветер ласкает, точь-в-точь как те благородные эльфы из преданий.

Бабы дружно покатались со смеху, посчитав его слова глупой шуткой. И даже когда остальные мужики принялись горячо божиться, что все так и есть, деревенские лишь недоверчиво фыркали.

— Ну, ладно вам скалиться, — добродушно проворчал Грейв. — Сами увидите — тогда и вспомните мои слова.

Больше тратить время на пустую болтовню мужчины не стали. Они принялись разворачивать повозки, готовясь пуститься в обратный путь к Городу Кабро.

Но уезжать в одиночку им не пришлось. Женщины, переговорив между собой, бросились в хаты и наскоро собрали нехитрые пожитки. Зачем сидеть в пустеющих стенах и ждать голодной смерти, когда в городе есть работа и для женских рук? Окружив подводы, они дружно попрыгали на свободные места. И караван, упрямо преодолевая яростный встречный ветер, двинулся на запад.

По дороге к ним примкнул еще один обоз, куда более внушительный. Встретив там земляков из

соседних деревень, беженцы узнали, что в самом Городе Кабро людей уже хватает, и решили держать путь напрямик на Город Черного Ущелья, где рабочие руки ценились на вес золота.

Тем временем в Городе Кабро вовсю кипела работа. Лесные великаны-треанты методично очищали крепость от следов недавней бойни. Прямо сквозь стыки мостовой пробивались тысячи брошенных в землю семян. Мощные серо-зеленые побеги диких лоз с треском ломали ледяную корку и, несмотря на лютый мороз, стремительно оплетали переулки и площади, устилая улицы живым ковром.

Разрушенные участки мостовых заполнялись землей и щебнем. Стрoения, украшенные гербами и барельефами Владения Акации, безжалостно ровняли с землей, сбрасывая обломки камней в глубокую пропасть. Разбитые разбойничьи лагеря и палатки побежденных рыцарей сгребали в огромные кучи. Ткань этих шатров была защищена колдовскими печатями вражеских магов; снимать их вручную вышло бы слишком накладно, поэтому Юнь Фэй просто велел спалить их все дотла яростным дыханием демонического дракона.

Трофейное оружие и латы аккуратно раскладывали по тяжелым сундукам. С тех пор как под знамена Снежной Сосны начали стекаться искусные мастера-дворфы, недостатка в кузницах не предвиделось — весь этот металл вскоре переплавят и пустят на добрые мечи и доспехи для собственного ордена рыцарей. Последними пересчитали пленных. Шеренги понурых латников под конвоем готовились выступить к Городу Черного Ущелья.

— Лишних хлопот я не потерплю, — ледяным тоном обратился к притихшему воинству Юнь Фэй. — Будете артачиться — передам вас под надзор полузверям.

Юный лорд не собирался нянчиться с побежденными, невзирая на их знатное происхождение или былые заслуги.

После штурма шахты Фабра в его распоряжении оказалось немало пленных полузверей и подземных жителей. И если благородные господа рыцари вздумают бунтовать, Юнь Фэй без зазрения совести приставит к ним надсмотрщиков из числа тех самых полузверей. Наездники Акации никогда не отличались милосердием к рабам; теперь же бывшие мучители сполна почувствуют на собственной шкуре все прелести каторжного труда, причем полузвери отплатят им с избытком.

Угроза возымела должное действие — спеси у пленников заметно поубавилось. Какими бы богатыми ни были их семьи и сколько бы золота они ни сулили за выкуп, для начала требовалось дожить до этого счастливого мига, не протянув ноги на рудниках.

Проводив взглядом отряд старого Люка и колонну арестантов, Юнь Фэй направился к центральной площади. Разложив на коленях свиток чистой пергаментной бумаги, он вознамерился скопировать древний демонический узор, высеченный на каменном постаменте.

"Кое-где линии совсем стерлись", — отметил про себя юноша.

Камень сильно пострадал от времени. Чтобы проявить едва различимую вязь символов, Юнь Фэй прижал ладонь к шероховатой плите и направил внутрь тонкую струйку собственной магии.

По стыкам плит побежали яркие алые всполохи, и воздух над площадью соткался в призрачные фигуры. Вновь явились павшие героические духи рыцарей и великанов-треантов. Окружив Юнь Фэя безмолвным полукольцом, они, как один, простерли руки в сторону заваленного обломками угла площади, где под грудой щебня покоилась разбитая статуя прежнего правителя.

— Понимаю, — негромко произнес Юнь Фэй, встретившись взглядом с призрачным воителем.

Спрятав пергамент за пазуху, он шагнул к завалам. Жестом остановив потянувшиеся на подмогу зеленые плети лозы, юноша обнажил висевший за спиной тяжелый меч и принялся осторожно поддевать острием тяжелые каменные глыбы. Понадобилось несколько часов изнурительного труда, прежде чем все обломки некогда величественного изваяния были извлечены на свет и бережно сложены у подножия постамента.

"Кажется, ничего не упустил", — окинув взглядом груды камней, подумал он и принялся сопоставлять куски.

Сперва дело не ладилось. Осколки, чьи сколы идеально подходили друг к другу, упорно не желали соединяться, точно невидимая сила отталкивала их друг от друга. Стоило прижать одну деталь к другой, как их отбрасывало с негромким щелчком. Повторив попытку несколько раз, Юнь Фэй уловил слабое сопротивление чуждой энергии.

Оно показалось ему смутно знакомым. Точно такое же противодействие он ощущал, когда пытался стереть метки с рыцарских шатров Акации.

"Колдовское клеймо".

Определив причину, Юнь Фэй зажег в ладонях яростное багровое пламя и накрыл им каменные обломки. Потoki его собственной бушующей силы навалились на чужеродные путы, выжигая остатки энергии вражеских магов.

В воздухе раздался сухой треск, похожий на хруст ломающегося льда. Избавленные от оков обломки медленно оторвались от земли и поплыли вверх, удерживаемые сиянием демонической силы. Они плавно вращались, притягиваясь друг к другу и смыкаясь в единое целое. Юнь Фэй почувствовал, как через потоки магии его разум соприкоснулся с самой сутью восстанавливаемой статуи.

Каменное тело обрело прежние очертания. Оплетенная светящимися нитями фигура на миг засияла так ярко, что Юнь Фэю пришлось прищуриться. Из этого слепящего марева соткался силуэт высокого, статного мужчины.

Воронье пряди волос, глубокие карие глаза... Юноше на мгновение показалось, будто он смотрит в зеркало. Но приглядевшись, он понял, что сходство обманчиво. Стоявший перед ним человек выглядел куда старше; черты его лица были резче, суровее, однако в теплом, мягком взгляде не было и следа того холодного безразличия, что затаилось на дне зрачков самого Юнь Фэя.

Призрак продержался не дольше полуминуты, прежде чем бесшумно раствориться в морозном воздухе. Потряса головой, чтобы сбросить наваждение, Юнь Фэй обнаружил, что полностью восстановленный монумент теперь прочно высится на своем законном месте.

Юноша закинул голову, всматриваясь в высеченные из камня очи правителя. В его жилах вновь вскипела демоническая кровь, откликаясь на безмолвный зов изваяния. Древние узоры, пронизывающие весь Город Кабро, на миг вспыхнули ровным пульсирующим светом. Земля под ногами ощутимо содрогнулась, и тяжелые гранитные плиты вокруг постамента со скрежетом поползли вниз. Когда гул утих, взору Юнь Фэя открылся глубокий, уходящий в непроглядную темень подземный ход.

Помедлив несколько мгновений и прислушавшись к тишине, Юнь Фэй зажег факел. Убедившись, что ловушек нет, он смело шагнул в проем и принялся спускаться по крутым ступеням. Винтовая лестница, казалось, не имела конца, виток за витком уводя его в самое сердце скалы.

С каждым шагом стены раздавались вширь. По обе стороны прохода тянулись ряды кованых подсвечников, в которых покоились крупные лунные камни — чистые, лишенные изъянов, они сияли куда ярче тех самоцветов, что утащил в свое гнездо демонический дракон. Внезапный порыв сырого сквозняка, вырвавшийся из глубин, заставил пламя факела затрепетать и погаснуть. Но мрак не поглотил юношу — призрачный молочный свет камней надежно разгонял тьму под ногами.

Юнь Фэй достал из поясной сумки семечко сопутствующей лозы. Под воздействием его воли зернышко тут же проклюнулось, и зеленые побеги прямо в его ладони сплелись в аккуратный, размером с кулак, светящийся шар, напоминающий чистейший изумруд.

В абсолютной тишине раздавался лишь мерный стук его собственных шагов. Юноша вел мысленный счет: ровно на двухсотой ступени каменный спуск оборвался. Путь преграждали массивные створки каменных врат, сплошь покрытые замысловатой резьбой, в очертаниях которой угадывались сильно измененные демонические узоры.

Внимательно изучив рельеф, Юнь Фэй прижал ладони к холодному камню. Стоило багровым искрам его магии заполнить резные желобки, как врата с натужным стоном и скрежетом медленно распахнулись внутрь.

За ними раскинулся пологий спуск. Идти приходилось с опаской — покрытый влажным налетом камень под сапогами был скользким, точно лед. Дорога вела все дальше вниз, пока не уперлась в еще одни ворота.

Эти врата охраняли каменные изваяния двоих рыцарей в полных доспехах. Одно из лиц показалось Юнь Фэю знакомым. Приглядевшись в неверном изумрудном свете лозы, он узнал того самого воителя, чей призрачный лик первым явился ему во время битвы за Город Кабро.

Второй зал оказался просторной и совершенно пустой залой. Повсюду лежал толстый слой вековой пыли, но, как ни странно, в углах не было и намека на паутину. Стены опоясывала бесконечная цепь символов древних письмен. Стоило Юнь Фэю переступить порог, как эти знаки замерцали холодным серебром, испуская сонмы крошечных светящихся искр. Воздух наполнился парящими огоньками, похожими на мириады золотистых светляков, кружащихся в безмолвном танце.

Спустя мгновение рой огоньков устремился к центру комнаты, сжимаясь в плотную сияющую сферу. Сжавшись до предела, она с оглушительным беззвучным хлопком взорвалась. Мощная волна чистой энергии пронеслась по помещению, вздымая тучи пыли. Юнь Фэя отбросило назад, впечатав в стену. Защищая лицо, он вскинул руку, но сияние было столь ослепительным, что ему пришлось зажмуриться.

Когда слепящий свет наконец угас, убранство залы разительно изменилось. Посередине комнаты гранитные плиты ушли глубоко вниз, открывая взору шахту с отвесной металлической лестницей. Юнь Фэй заглянул в проем, откуда тут же вырвалось густое облако затхлой пыли. Переждав несколько минут, пока свежий воздух заполнит колодец, он ухватился за холодные перекладки и начал спуск.

Спуск оказался не слишком долгим, но невероятно крутым — одно неверное движение грозило падением в бездну. Спрыгнув на твердый пол с последней ступени, юноша замер, пораженный открывшейся его взору картиной. От изумления он позабыл прикрыть рот ладонью и тут же зашелся в приступе кашля от взметнувшейся вековой пыли.

В самом центре колоссального склепа покоился исполинский драконий скелет. Судя по размерам побелевших ребер, при жизни этот ящер превосходил габаритами его собственного демонического дракона. Могучие костяные крылья чудовища словно укрывали от внешнего мира массивный саркофаг из темного сланца. На крышке гроба покоилась искусно вырезанная фигура мужа в парадном одеянии, чьи каменные длани крепко сжимали рукоять двуручного меча.

Юнь Фэй медленно приблизился к усыпальнице. Светящийся изумрудный шар на его плече выхватил из темноты благородные черты каменного лика. Ошибки быть не могло — это был тот самый человек, чье изваяние украшало площадь наверху. Запрокинув голову, юноша огляделся: по стенам усыпальницы змеились бесконечные цепи древних символов. Он опустил на одно колено и ладонью смахнул налет пыли с пола. Под серым саваном скрывались глубокие борозды демонических узоров, точь-в-точь повторявших настенную вязь письмен.

— Так вот в чем секрет, — прошептал Юнь Фэй, и голос его эхом разнесся под сводами склепа.

Город, воздвигнутый на гигантском демоническом узоре. Призрачные воины, не знающие покоя даже после кончины. Великий лорд древности, чей дух вернулся к истокам, но продолжил незримо оберегать свои владения. Город Кабро никогда не был обычной пограничной крепостью. Он был святыней — местом упокоения Лорда-основателя великого рода Снежной Сосны.

<http://bllate.org/book/18992/1985526>